

ЗАКОНОМЕРНОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ФРАГМЕНТА ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ЛЕКСИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ В ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Статья посвящена анализу изменений лексической репрезентации пространственной семантики в русском языке Западной Сибири с конца XVII по XVIII в. (на материале одного старожильского говора).

Ключевые слова: пространственная семантика, лексическая система, сибирский говор, лексико-семантическая парадигма.

Исследуя историю лексической системы (ЛС) сибирского говора (например, томского говора – русского старожильского говора на территории Западной Сибири), мы считаем, что закономерности ее образования в говоре в его исходном состоянии (первая половина XVII в.) и закономерности изменения в последующие периоды обнаруживают как общие черты, так и различные. В результате действия первых формировался лексический состав говора вторичного образования из конкурирующих лексических единиц (ЛЕ) материнских говоров. Результатом действия вторых является становление и функционирование ЛС сибирского говора.

Лексические материалы исследования отражают классифицированную по 9 тематическим группам (ТГ) пространственную лексику, во-первых, материнских говоров (выборка составила 958 ЛЕ); во-вторых, томского говора в его исходном состоянии (50 ЛЕ); в-третьих, томского говора со второй половины XVII по начало XX в. (более 600 ЛЕ)¹. В соответствии с задачами статьи

рассмотрена история пространственной лексики говора в период со второй половины XVII по XVIII в. (121 ЛЕ). Это этап формирования говора как системы [Киселева, 1968].

Оперирование этими данными позволяет реконструировать состав пространственных наименований в сибирском говоре вторичного образования в его исходном состоянии (первая половина XVII в.)² и определить закономерности формирования лексической репрезентации пространственной семантики в указанный период³. Описание количественных изменений состава этих ЛЕ, наблюдение над словообразовательными и семантическими изменениями ЛЕ в ЛС такого говора в диахронии позволяет выявить закономерности становления и развития его пространственной лексической системы.

Целью работы является выяснение причин, под влиянием которых происходили изменения фрагмента⁴ пространственной ЛС томского говора на протяжении второй половины XVII – XVIII вв.

¹ Источниковая база исследования составляет более чем 220 наименований рукописных и изданных памятников, а также картотек.

² Как осуществлена реконструкция этих ЛЕ, см.: [Инютина, 1990].

³ См.: [Инютина, 2011].

⁴ В статье проанализированы лексические единицы, выражающие семантику 'угодье' в семантическом поле «пространство».

Для достижения этой цели пространственные наименования, зафиксированные в томском говоре первой половины XVII в., последовательно сравниваются с пространственными ЛЕ, отмеченными в этом же говоре в период формирования его системы, благодаря чему в работе определено развитие состава ТГ и состава словообразовательных гнезд, семантической структуры полисемантов, структуры лексического значения ЛЕ, лексико-семантических парадигм (ЛСП).

В итоге наблюдений над изменениями состава пространственных наименований в исследуемом говоре в XVII–XVIII вв. выяснено, что их количество увеличилось в среднем на 58,7 % (табл. 1).

1. Говор пополнился ЛЕ с пространственным значением, не зафиксированными в нем в его исходном состоянии и являвшимися территориально маркированными. Такие ЛЕ, исконно русские по происхождению, часто оказывались вариантами или

дериватами единиц, уже известных в говоре: *анбар*, *анбарушка* (наряду с существовавшим *амбар*); *конюшина*, *конюшня* (ср.: *конюшня*); *поскотинный выпуск*, *скотский выпуск* (ср.: *скотинный выпуск*); *залог* (ср.: *заложенная земля*, *переложная земля*); *покос*, *покосная земля*, *покосное место* (ср.: *сенной покос*, *сенокос*, *сенокосный покос*). Они могли быть образованы также от основ слов, не зафиксированных в говоре первой половины XVII в. (*логотина*, *полой*, *релка*, *хлебобородное место*, *сырец*, *пригон*, *завозня* и др.).

ЛЕ с пространственным значением неисконного происхождения в говоре исследуемого периода отмечено немного (*кулига*, *мангазей*, *рига*, *сарай*, *хлев*).

2. Некоторые ЛЕ, известные в томском говоре с первой половины XVII в., напротив, вышли из употребления. Ряд лексем не отмечен в текстах, отражающих сибирский говор XVII–XVIII вв.: *острог*, *займище*, *житница*. К началу XIX в. перестало функ-

Таблица 1

Количественные данные об изменении состава ЛЕ
в сибирском говоре с первой половины XVII по XVIII в.

Тематическая группа	Количество ЛЕ, зафиксированных в сибирском говоре в его исходном состоянии	Количество ЛЕ в сибирском говоре в XVII–XVIII вв.	Изменение количества ЛЕ в абсолютном выражении и в % от зафиксированных в сибирском говоре XVII–XVIII вв.
1. Названия земельных участков, используемых как угодья	12	36	+24 (66,7 %)
2. Названия обрабатываемых под посев участков	11	16	+5 (31,3%)
3. Названия частей пашни в системе севооборота	8	14	+6 (42,9 %)
4. Названия мест для выпаса скота	2	8	+6 (75 %)
5. Названия сенокосных угодий	3	10	+7 (70 %)
6. Названия поселений	7	11	+4 (36,4 %)
7. Названия усадьбы	2	5	+3 (60 %)
8. Названия хозяйственных построек для скота	1	10	+9 (90 %)
9. Названия хозяйственных построек для хранения и переработки зерна	4	11	+7 (63,6 %)
Итого	50	121	+71 (58,7 %)

Таблица 2

Количественные данные о словообразовательной обусловленности функционирования ЛЕ в сибирском говоре в процессе его изменения (XVII–XVIII вв.)

Лексико-семантические парадигмы ЛЕ в материнских говорах	Количество ЛЕ, зафиксированных в сибирском говоре в его исходном состоянии	Количество ЛЕ в сибирском говоре в XVII–XVIII вв.
‘регулярно обрабатываемый под посев участок’: <i>оранина / плуженина / нива / пашня</i>	0 / 0 / 1 / 9	0 / 0 / 1 / 12
‘сенокосное угодье’: <i>пожня / покос</i>	0 / 3	1 / 10
‘новое поселение’: <i>пустошь / починок / заимка</i>	0 / 0 / 3	0 / 0 / 4
‘поле под паром, залежь’: <i>пар / перелог</i>	0 / 3	0 / 3
‘место с жилыми и хозяйственными постройками’: <i>двор / усадьба</i>	2 / 0	2 / 1

ционировать значительное количество ЛЕ – атрибутивных синлексов⁵: *пашенный лес, пашенное место, паханая пашня, хлебная пахота, пахотное место, хлебородное место, распашиная земля, пашенная заимка, луговое место, угодье, переложная земля, заложная земля, дикая земля, дикое поле, порозжая земля, скотинный выпуск, сенокосный покос, сенной покос* и др. Вместо них стали (или остались) употребляться слова-синонимы (*дикое поле, дикая земля, порозжая земля > сырец*), часто являвшиеся однокорневыми с утрачивавшимися ЛЕ (*сенокосный покос, сенной покос > сенокос, покос*; а также *угодье, выпуск, залог, пашня* и др.).

Развитие фрагмента пространственной ЛС диалекта происходило под влиянием а) экстралингвистических причин: исчезновение или изменение объектов, именовавшихся ЛЕ (*острог, житница, слобода*), появление новых реалий или изменение прежних, требующих наименования или переименования (*выпаханная земля, выпашь, заросшее место, зяблик, мангазей* и др.); б) собственно языковых причин: протекание в сибирском говоре процессов, отражавших закономерности формирования лексической системы русского национального языка в исследуемый период (стремление к внут-

ренному единству, к упрощению языковой структуры, к универсализации словарного состава) [Горшков, 1984. С. 149; Виноградов, 1982. С. 84; Ефимов, 1971. С. 79, 81; Крысько, 2007. С. 357].

ЛЕ, закрепившиеся в ЛС сибирского говора с первой половины XVII в. и пополнявшие ее в рассматриваемый период, изменялись в связи с развитием самой ЛС, т. е. также по интралингвистическим причинам.

Так, в описываемый период в ЛС сибирского говора функционировали пространственные ЛЕ, представлявшие одно словообразовательное гнездо из нескольких, которые в составе той или иной ЛСП были известны материнским говорам XVI–XVII вв. и которые являлись конкурирующими в томском говоре в его исходном состоянии (табл. 2). Именно такое словообразовательное гнездо продолжает развиваться. Например, кроме ЛЕ с корнем *-кос-/-кош-* (*сенной покос, сенокос, сенокосный покос*), бытовавшими в томском говоре с первой половины XVII в., отмечены ЛЕ с тем же корнем, но не с корнем *-жн-* (*пожня*): *покос, покосная земля, покосное место, сенокосная земля, сенокосное место, кошенина*.

Для выявления внутриязыковых закономерностей развития фрагмента пространственной ЛС сибирского говора в исследуемый период проанализированы семантические изменения ЛЕ и образуемых ими ЛСП⁶. Ниже приведено несколько кон-

⁵ Термин *синлекс* введен Г. И. Климовской [1973. С. 19]. В терминологии других авторов: *устойчивое атрибутивное словосочетание, атрибутивная единица, атрибутивная номинативная единица, описательное наименование, адъективное составное наименование* и др. (см.: [Голев, 1979; Полякова, 1982; Горощев, 1970; Чайкина, 1987] и др.).

⁶ Методика такого анализа описана нами в: [Инютина, 2009].

Таблица 3

Результаты анализа семантической структуры лексемы
и структуры лексического значения пространственных ЛЕ

Семемы ЛСВ	Структура лексического значения	
	Основные семы	Периферийные семы
ЛСВ (1) <i>поле</i> 'ровное безлесное пространство, пригодное под пашню'	'Угодье большого размера'; 'открытое, безлесное место'; 'ровное место' (контексты 1, 2) *. 'Пригодное для возделывания различных сельскохозяйственных культур' (контексты 1, 2). 'Угодье, принадлежащее обществу (селу, деревне и под.)' (контексты 1, 2, 3)	'Расположенное за пределами населенного пункта' (контексты 1, 2)
ЛСВ (2) <i>поле</i> 'поле, нива; участок обрабатываемой земли'	'Пашня, обрабатываемое угодье' (контексты 4, 5, 6). 'Состоящее из нескольких частей' (контексты 5, 6). 'Принадлежащее обществу (селу, деревне и под.)' (контексты 4, 6). 'Принадлежащее кому-л. (индивидуально)'	'Большие размеры'; 'открытое, безлесное место'; 'ровное место' (контекст 6)
ЛСВ <i>ялань</i> (<i>елань</i>), ЛСВ <i>еланное место</i> 'луговая и полевая равнина'	'Относительно большое угодье' (контексты 8, 9). 'Ровное место' (контекст 7). 'Расположенное в лесу, между лесными массивами' (контекст 8). 'Используемое под пашню, сенокос или пастбище' (контексты 7, 9)	'Возвышенное место' (контекст 9)
ЛСВ <i>луг</i> , ЛСВ <i>луговое место</i> 'луг, сенокосное или пастбищное угодье'	'Относительно большое угодье' (контексты 10–13). 'Открытое место' (контексты 9–13). 'Используемое для сенокосения и выпаса скота' (контексты 10, 12, 13). 'Принадлежащее кому-л. (индивидуально)' (контексты 11, 12, 13). 'Расположенное в низменных местах' (контексты 11, 12, 13)	'Заливаемое водой угодье' (контексты 11, 12, 13)
ЛСВ <i>кулига</i> 'участок земли на берегу реки, используемый как сенокосное угодье; росчисть, полянка, пожня в лесу'	'Угодье небольшого размера'; 'окруженное другими угодьями'; 'используемое под сенокос' (контекст 14)	'Принадлежащее кому-л.' (контекст 14)

* Указаны номера, под которыми в работе приведены контексты.

текстов со словами *поле*, *ялань*, *луг*, *кулига* и др., семантика которых формировала одну из ЛСВ семантического поля «угодье». Результаты анализа значений этих ЛЕ отражены в табл. 3.

1) *Всего на подгородномъ поле пашенных крестьян 40 члвкъ а гсдрвы десятинные пашни пащутъ дватцат пят десятин с по-*

лудеятиною в поле а въ дву потому же. 1665 г. (РГАДА. Ед. хр. 594. Л. 643–645).

2) *Всего гсдрвых пашенных крстьян на подгородном поле і в спасском селѢ і в Соновском остроге РКД члвк а пашни ПА десятина без четверти в поле а в дву потому же.* 1666 г. (РГАДА. Ед. хр. 479. Л. 261).

3) *И въ тѢхъ государь деревняхъ они... набѣжавъ на поля убили до смерти русскихъ людей мужеска полу 11 человекъ.* 1700 г. (Пам. сиб. ист., 1882. С. 90).

4) *...градской скоть выходитъ... в населенном (в) полях созревшемъ хлѣбе... ядят топчут и воляютъся.* 1799 г. (ГАТО. Ф. 259-1. Ед. хр. 6. Л. 206).

5) *И на оныхъ высеяно четвертей и сколко за неростеніемъ не засеино полей осталось а равно же каковъ тотъ хлебъ в произростеніи оказывается.* 1803 г. (ГАТО. Ф. 57-1. Ед. хр. 3. Л. 53).

6) *Поскотины также не везде прочные и ветхия, не могут удержать скотину отчего наносится произрастающим на полях посеянным потрава.* 1820 г. (ГАТО. Ф. 67-1. Ед. хр. 11. Л. 162).

7) *...в томском твои гсдрвы воеводы Михаилу Петровичъ Волинской с товарищи дали мнѢ под пашню вверхъ Томи реки выше Сосновки речки версты з две на Томи рѣке возле кур'ю до уклону болия ялани а с верхнею и с нижнею сторону до болот.* 1650 г. (РГАДА. Ед. хр. 381. Л. 328).

8) *Со 100 въ право еланью до леса.* 1804 г. (ГАТО. Ф. 175-2. Ед. хр. 42. Л. 3).

9) *Ибо въ деревни Ипатовой по мѣстному положению земли сѣнокосныхъ луговъ неимѣется а производятъ крестьянѢ той деревни сенокосеніе на еланныхъ мѣстахъ между селами кто гдѢ сыщеть для себя способнѣишее мѣсто.* 1821 г. (ГАТО. Ф. 57-1. Ед. хр. 36. Л. 449).

10) *А по осмотру де того пометного лугового мѣста подѣ скотинный выпускъ будетъ три десятины а сѣнныхъ покосовъ на сто копень.* 1694 г. (Сл. ... Томска, 2002. С. 44).

11) *Да они ж владеют... лугом вверх по реке Томи против села Спасского... их владения от Панковой курьи вниз по реке Томи до усть Черной и Мигиливой речки длиннику 2 версты поперег от реки Томи до болота верста.* 1703 г. [Бояршинова, 1951. С. 135].

12) *Да к тем же юртам владеют лугом под скотинным выпуском и под сенные покосы от межи служилых... и до Долгого озера Большим лугом к реке Томи длиннику верста поперег от реки Томи к Черной речке четверть версты.* 1703 г. [Там же].

13) *...владѣют за рѣкою Томью в лугах противъ рѣчки большой киргиски сеными покосы на 2000 копень.* 1803 г. (ГАТО. Ф. 175-2. Ед. хр. 42. Л. 25).

14) *...а по прежнему ромбу от повороту кулига шириною в 45 сажень... даны повороты 1-ый по кулиге и к поскотинѢ нынѣшняго владенія монастырскаго.* 1804 г. (ГАТО. Ф. 175-2. Ед. хр. 42. Л. 3 об.).

Отметим наблюдаемые внутрисловные изменения. На протяжении второй половины XVII–XVIII вв. семантическая структура многозначного слова *поле* в томском говоре изменилась по сравнению с первой половиной XVII в.: в местных деловых памятниках более не фиксируется ЛСВ (3) *поле* 'степь' (ср.: *И Матвей де и Семен те кони взяли себе и послали к Руси по своим поместьям с своими людьми полем мимо Томского города*. Первая половина XVII в. (ГрСиб, 1937. С. 418)).

Определение семантических структур и структур лексических значений единиц в период становления и развития ЛС сибирского говора взаимосвязано с выяснением парадигматики этих единиц, выявлением тенденций развития ЛСП. Единицы анализируемой пространственной ЛСП входят в многочисленные ряды ЛЕ, значения которых образуют семантическое поле «угодье»: *поле* – *пашня*, *поскотина*, *село*, *деревня*, *острог*, *селение*, *огород*, *сад* (контексты 1–6); *ялань* (*елань*) – *еланное место*, *лес*, *земля*, *деревня*, *село*, *луг*, *место*, *просека* (контексты 7–9); *луг* – *луговое место*, *сенной покос*, *скотинный выпуск*, *река*, *речка*, *курья*, *рыбные ловли*, *остров*, *озеро*, *болото*, *село*, *деревня*, *земля*, *неудобья* (контексты 10–13); *кулига* – *поскотина*, *поворот*, *владение монастырское* (контекст 14).

Синонимические отношения в анализируемой ЛСП складываются между ЛСВ (2) *поле* и словом *пашня* (контексты 4, 5, 6), а также между ЛЕ *ялань* (*елань*) – *еланное место*, *луг* – *луговое место*. Отмечены родовидовые отношения: *земля* – *еланное место* (контекст 9), *луг* – *скотинный выпуск* и *сенной покос* (контексты 12, 13), *луговое место* – *скотинный выпуск* и *сенной покос* (контекст 10).

Во второй половине XVII – XVIII вв. происходит также формирование отношений антонимии: *еланное место* – *луг* (контекст 9). Отношения противоположности создают семы: 'место в лесу' ↔ 'открытое место'; 'ровное место' ↔ 'низменное место' (см. табл. 3). Изменения в этой антонимической паре, приведшие к появлению антонимов *елань* – *луг* 'возвышенное место' ↔

‘низменное место’ (Сл. ант. сиб., 2003. С. 87)

в рассматриваемой ЛСП, происходят в связи с уходом в пассивный запас русского языка синлексов и последовавшим за этим разрушением синонимических отношений (*ялань* (*елань*) – *еланное место*, *луг* – *луговое место*).

Итак, регулярное и контактное употребление описываемых ЛЕ удержало в составе пространственной ЛС сибирского диалекта общерусские слова *поле*, *луг* и территориально ограниченные *елань* и *кулига*, которые отражали важнейшие представления русских сибиряков об открытых землях, их пригодности для обустройства крестьянского хозяйства.

Проведенный в работе анализ показал значимость для развития ЛС говора взаимообусловленности процессов внутрисловных изменений, межсловного взаимодействия, т. е. изменения парадигматических отношений ЛЕ (выстраивания четких семантических оппозиций в ЛСП: синонимических, антонимических, родовидовых), а также межуровневого взаимодействия (лексической семантики и словообразовательных отношений в ЛСП).

В период формирования системы языка (говора, в частности), в том числе лексической системы, наиболее значимые изменения происходят по внутриязыковым законам, действие которых направлено на максимально точное и рациональное с точки зрения языкового коллектива выражение представлений о мире. Действие экстралингвистических факторов при всей их важности становится еще более опосредованным по сравнению со временем существования говора в его исходном состоянии.

Список литературы

Бояршинова З. Я. К вопросу о развитии русского земледелия в Томском уезде в XVII в. // *Вопр. географии Сибири.* 1951. № 2. С. 95–141.

Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX веков: Учебник. 3-е изд. М., 1982. 529 с.

Голев Н. Д. Речевые описательные наименования (Место в системе номинативных единиц. Некоторые особенности структуры и функционирования) // *Актуальные*

проблемы лексикологии и словообразования: Сб. ст. Новосибирск, 1979. Вып. 8. С. 92–105.

Горшков А. И. Теория и история русского литературного языка: Моногр. М., 1984. 320 с.

Ефимов А. И. История русского литературного языка: Учебник. 3-е изд., испр. М., 1971. 296 с.

Инютина Л. А. К вопросу о реконструкции лексической системы исходного состояния томского говора начала XVII в. по данным деловых памятников «материнских» говоров // *Русские старожильческие говоры Сибири: Межвуз. сб. науч. тр.* Томск: Изд-во Том. ун-та, 1990. С. 56–64.

Инютина Л. А. О закономерностях формирования пространственной лексики в истории русского языка в Западной Сибири // *Вестн. Новосиб. гос. ун-та Серия: История, филология.* 2011. Т. 10, вып. 2: Филология. С. 33–39.

Инютина Л. А. Семантическая история пространственного наименования в одной лексико-фразеологической системе (начало XVII – начало XX в.): принципы и методика анализа // *Сибирский филологический журнал.* 2009. № 1. С. 130–141.

Киселёва О. Н. Морфологическая система старожильческих говоров средней части бассейна реки Оби: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1968. 18 с.

Климовская Г. И. О синлексическом слое словарного состава русской народно-разговорной речи XVII–XVIII вв. // *Актуальные проблемы лексикологии и словообразования: Сб. ст. Новосибирск, 1973. Вып. 2. С. 18–26.*

Крысько В. Б. Очерки по истории русского языка: Моногр. М.: Гнозис, 2007. 423 с.

Полякова Е. Н. Лексика пермских памятников XVII – начала XVIII вв. (К проблеме делового языка как функциональной разновидности русского литературного языка): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1982. 32 с.

Торопцев И. С. Очерк русской ономастологии: (Возникновение знаменательных лексических единиц): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1970. 37 с.

Чайкина Ю. И. К истории становления производственно-технической терминологии в русском литературном языке XVII–XVIII вв. (Названия предприятий) // *История русского языка и лингвистическое ис-*

точи́коведение: Сб. ст. М.: Наука, 1987. С. 236–247.

Список источников

ГАТО – Государственный архив Томской области.

ГрСиб – Миллер Г. Ф. История Сибири. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1941. Т. 1–2.

Пам. сиб. ист. – Памятники сибирской истории XVIII в. СПб., 1882. Т. 1.

РГАДА – Российский государственный архив древних актов. Ф. 214 – Столбцы и книги Сибирского приказа.

Сл. ант. сиб. – Блинова О. И. Словарь антонимов сибирского говора. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2003. 242 с.

Сл. ... Томска – Словарь народно-разговорной речи г. Томска XVII – начала XVIII в. / Под ред. В. В. Палагиной, Л. А. Захаровой. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. 336 с.

Материал поступил в редколлегию 20.12.2010

L. A. Injutina

FORMATION AND DEVELOPMENT REGULARITIES OF THE SPATIAL VOCABULARY SYSTEM WITHIN THE HISTORY OF THE RUSSIAN LANGUAGE IN WESTERN SIBERIA

The article covers the analysis of differences in lexical representation of spatial semantics in the Russian language of Western Siberia from XVII to XVIII century (the material of an old-residents' dialect is used as a model).

Keywords: spatial semantic, vocabulary system, Siberian dialect, lexical-semantic paradigm.